

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-183-192
УДК 347.44:004.8(045)
JEL K12, K24, O33

ИИ-технологии в системе договорных обязательств: проблемы правовой идентификации и распределения рисков

М.В. Демченко, Ю.И. Фроловская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией экономики и отсутствием в российском праве легального определения ИИ-договора, что создает риски для участников договорных отношений. **Предмет** исследования — правовые аспекты использования искусственного интеллекта в договорных отношениях, включая заключение сделок с помощью смарт-контрактов, доказывание алгоритмических решений и распределение ответственности между участниками оборота. **Цель** — попытка выявить системные пробелы в законодательстве и правоприменительной практике, а также предложить способы их преодоления. **Методологическую** основу исследования составили формально-юридический анализ судебных актов арбитражных судов за 2022–2026 гг., сравнительно-правовой метод (анализ подходов ЕС и США), системный анализ доктринальных подходов, метод юридического прогнозирования, контент-анализ научных публикаций, а также метод интерпретации правовых норм применительно к новым технологическим явлениям. **Научная новизна** заключается, во-первых, в предложенной авторами классификации договоров с участием ИИ по степени автономности алгоритма (пассивный инструмент, ассистент, автономный исполнитель); во-вторых, в оригинальной системе распределенной ответственности между разработчиком, оператором, владельцем и пользователем и, наконец, в-третьих, — конкретных проектах изменений в Гражданский кодекс РФ (статьи 153.1, 1079.1). Установлено, что российские суды, как правило, не признают смарт-контракты самостоятельными юридическими фактами, требуя письменной фиксации воли сторон, что создает сложности при использовании автономных ИИ-систем. Выявлены различные подходы к допустимости доказательств из распределенных реестров. На основе анализа зарубежного опыта (Регламент ЕС об ИИ 2024 г., подходы США) предложены пути гармонизации российского законодательства с международными стандартами. По **результатам** исследования сделан **вывод** о необходимости введения обязательного алгоритмического аудита для систем высокого риска и расширения экспериментальных правовых режимов («песочницы») для ИИ-договоров.

Ключевые слова: искусственный интеллект; смарт-контракт; договор; ответственность; судебная практика; криптовалюта; оферта; акцепт; алгоритмическая подотчетность

Для цитирования: Демченко М.В., Фроловская Ю.И. ИИ-технологии в системе договорных обязательств: проблемы правовой идентификации и распределения рисков. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(4):183-192. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-183-192

ORIGINAL PAPER

AI Technologies and Contractual Obligations: Challenges in Legal Identification and Risk Sharing

M.V. Demchenko, Yu.I. Frolovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **significance** of this research lies in the fast-paced digitalization of the economy and the absence of a legal definition for AI contracts in Russian legislation, leading to risks for those involved in contractual agreements. This research examines the **subject** of legal considerations surrounding AI in contractual settings, covering

© Демченко М.В., Фроловская Ю.И., 2026

automated transactions, evidence of algorithmic choices, and liability distribution. The study **aims** to pinpoint systemic flaws in laws and enforcement, then suggest solutions. The **methodological** basis of the study includes a formal legal analysis of arbitration court rulings from 2022 to 2026, a comparative legal method (analysis of EU and US approaches), a systemic analysis of doctrinal approaches, a legal forecasting method, a content analysis of scientific publications, and a method for interpreting legal norms as they relate to new technological phenomena. First, the scientific novelty comes from the authors' classification of AI-involved contracts, which is based on the algorithm's autonomy (passive tool, assistant, autonomous executor); second, in the original system of distributed liability between the developer, operator, owner, and user; and, thirdly, in specific proposed amendments to the Civil Code of the Russian Federation (Articles 153.1, 1079.1). Russian courts generally don't consider smart contracts as standalone legal facts. They usually require written proof of the parties' intentions, which poses challenges for autonomous AI systems. The authors identified various approaches to the admissibility of evidence from distributed ledgers. The paper suggests methods for aligning Russian laws with global AI regulations, drawing on international examples like the 2024 EU AI Regulation and US strategies. As an **outcome**, the study **concluded** that high-risk systems require mandatory algorithmic audits and that AI contract "sandboxes" need to be more widely available.

Keywords: artificial intelligence; smart contract; agreement; liability; judicial practice; cryptocurrency; offer; acceptance; algorithmic accountability

For citation: Demchenko M.V., Frolovskaya Yu.I. AI technologies and contractual obligations: Challenges in legal identification and risk sharing. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):183-192. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-183-192

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное распространение систем искусственного интеллекта (ИИ) и смарт-контрактов в коммерческой деятельности ставит перед правовой системой принципиально новые вопросы. Может ли алгоритм, действующий без участия человека, считаться стороной договора? Как распределить ответственность, когда решение, повлекшее убытки, принято нейросетью? Является ли программный код, записанный в блокчейне, надлежащей формой сделки? Эти вопросы остаются открытыми как в России, так и в большинстве юрисдикций мира [1].

Особую актуальность эти проблемы приобретают в финансовой сфере [2], где смарт-контракты и ИИ-алгоритмы активно используются для автоматизации расчетов, кредитования и управления цифровыми активами, что требует адекватного правового обеспечения, включая экспериментальные правовые режимы и адаптацию договорного регулирования.

В российской цивилистике проблематике ИИ и смарт-контрактов посвящены работы Е. Б. Подузовой [3], О. В. Танимова [4], С. А. Сеницына и др. [5], В. Н. Лисицы и Е. В. Зайнудиновой [6], А. И. Савельева [7], а также труды, посвященные правосубъектности электронного лица [8] и ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта [9]. Однако комплексного исследования, основанного на обобщении судебной практики именно договор-

ных споров с участием ИИ и смарт-контрактов, до сих пор нет¹.

В 2021 г. была утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права. Она предполагает постепенный переход к изложению правовых норм на формальных языках. Это создает технологическую основу для автоматизации договорных отношений².

В марте 2026 г. Минцифры России представило законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта». Он вводит понятие ИИ, маркировку ИИ-контента и распределение ответственности между разработчиком, оператором, владельцем и пользователем. Однако договорные аспекты остаются не урегулированными³.

Цель настоящей работы — выявить правовые пробелы, возникающие при использовании ИИ и смарт-контрактов в договорной сфере. Анализ основывается на судебной практике 2022–2026 гг.

¹ Наумов В. Б., Чеховская С. А., Брагинцев А. Ю., Майоров А. В. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения. Доклад НИУ ВШЭ. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2021. 42 с.

² Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М., 2021.

³ Министерство цифрового развития РФ. Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». М., 2026.

Предлагаются также способы преодоления выявленных пробелов

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА И ДОГОВОРОВ С УЧАСТИЕМ ИИ В ДОКТРИНЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Правовая природа смарт-контракта остается дискуссионной. Как отмечает А. И. Савельев, программный код может как заменять собой договор (если содержит все существенные условия), так и служить лишь техническим средством его автоматического исполнения [7]. С. А. Синицын и др. последовательно отстаивают инструментальный подход, согласно которому смарт-контракт не образует самостоятельного договорного типа, а представляет собой технологический способ исполнения обязательств, функционально встроенный в систему исполнения [5].

С этим подходом коррелирует и позиция Банка России, в аналитическом обзоре которого (2018 г.) смарт-контракт определяется как «программный код, реализующий функции автоматизированного исполнения сделки», тем самым акцентируя его технологическую, а не юридическую природу⁴. В документе отмечается: смарт-контракт не является самостоятельной сделкой или договором, а представляет собой лишь технический механизм, обеспечивающий автоматическое исполнение обязательств, условия которых зафиксированы в традиционной письменной форме⁵.

Попытки систематизировать договоры с участием ИИ предпринимаются постоянно. Так, Е. Б. Подузова выделяет четыре их вида: услуги, оказываемые с применением ИИ; договоры удаленного доступа через SaaS; договоры внедрения ИИ; рекламные договоры [3]. Однако предложенная классификация не учитывает степень автономности алгоритма, имеющую принципиальное значение для распределения ответственности. Именно от того, насколько самостоятельно действует ИИ-система (пассивный инструмент, ассистент или автономный исполнитель), зависит, кто и в каком объеме должен нести юридические последствия принимаемых ею решений.

Разграничение степеней автономности напрямую связано с проблемой ответственности.

О. В. Танимов предлагает ввести по аналогии с юридическим лицом фикцию «электронного лица». Однако он предостерегает от поспешного наделения ИИ полноценной правосубъектностью [4]. И. Г. Лаврова справедливо отмечает, что «до сих пор не определен правовой статус искусственного интеллекта, а также ответственность за ошибки и вред, которые возникают в процессе эксплуатации роботизированного механизма» [10].

Наиболее сбалансированным представляется подход Д. А. Казанцева, который, в отличие от линейных моделей, предлагает многомерную матрицу субсидиарной ответственности. Ее отличие — в учете не только ролей субъектов, но и риск-категории самой системы ИИ, что позволяет гибко перераспределять очередность привлечения к ответственности в зависимости от конкретной ситуации. При этом Казанцев, как и другие авторы, отвергает правосубъектность ИИ, однако бремя доказывания возлагает не на одного «профессионального участника», а на всех потенциальных субъектов через систему презумпций, исследуя виновность каждого по нисходящей. [9].

Таким образом, доктринальное обсуждение постепенно смещается от вопроса о признании ИИ субъектом права к поиску эффективных механизмов перераспределения рисков между участниками оборота.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИИ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Значительный интерес для российского законодателя представляет зарубежный опыт регулирования ИИ. Наиболее разработанной является европейская модель. Регламент ЕС об искусственном интеллекте 2024 г. (AI Act) вводит риск-ориентированный подход⁶. Системы ИИ классифицируются по уровню риска: неприемлемый, высокий, ограниченный и минимальный. Для систем высокого риска установлены обязательные требования: оценка соответствия, техническая документация, человеческий надзор. Применительно к договорным отношениям это означает, что автономные ИИ-агенты, используемые в кредитовании, страховании или динамическом ценообразовании, подпадают под режим

⁴ Центральный банк Российской Федерации. Смарт-контракты: умное будущее договорных отношений: аналитический обзор. М.: Банк России; 2018.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ European Parliament and Council of the EU. Regulation (EU) 2024/1689 on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union. 2024.

высокого риска. Это требует обязательного алгоритмического аудита и прозрачности принимаемых решений.

Американский подход принципиально иной. В США отсутствует единый федеральный закон об ИИ. Регулирование осуществляется на отраслевом уровне (FTC, CPSC) и через «мягкое право». В 2022 г. был представлен «Билль о правах в эпоху ИИ» (Blueprint for an AI Bill of Rights). В 2023 г. вышел Исполнительный указ о безопасном и надежном развитии ИИ. Американская модель делает акцент на стимулировании инноваций и саморегулировании. Однако критики отмечают недостаточную защиту прав граждан при использовании ИИ в договорной сфере.

Для России представляется оптимальным гибридный подход. Целесообразно воспринять европейскую риск-ориентированную классификацию для систем высокого риска. Одновременно следует сохранить гибкость для инновационных разработок по американской модели, используя экспериментальные правовые режимы («песочницы»). Такой подход позволит обеспечить баланс между защитой прав участников оборота и технологическим развитием.

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Анализ судебной практики показывает, что российские суды занимают крайне осторожную позицию.

В деле № А55–7445/2022 (Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, постановление от 02.02.2023) истец пытался доказать заключение договора купли-продажи автомобиля с использованием технологии смарт-контракт. Суд отказал в признании блокчейн-транзакции акцептом оферты, затребовав документ в классической письменной форме⁷.

В деле № А45–4379/2025 (Седьмой арбитражный апелляционный суд, постановление от 30.09.2025) стороны заключили «договор агентирования и сотрудничества». Ответчик утверждал, что он работал по принципу смарт-контракта с использованием блокчейна и вексельных расчетов. Суд фактически проигнорировал ссылки ответчика на смарт-контракт и технологию блокчейн, квалифицировав договор как возмездное оказание услуг. При этом суд особо отметил: «ис-

полнитель имеет право без согласования с заказчиком привлекать к исполнению обязательств по договору третьих лиц, однако за действия этих третьих лиц он несет ответственность как за свои собственные»⁸. Этот подход может быть экстраполирован на ИИ-агентов: владелец автономного алгоритма должен отвечать за его «действия» как за свои собственные.

Кассационное постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.02.2026 по тому же делу подтвердило эту логику. Суд указал, что «исполнитель несет ответственность за действия привлеченных третьих лиц как за свои собственные». Отклонив доводы о необходимости исследования «отлагательных условий» смарт-контракта⁹, суд фактически отказался признавать юридическое значение программного кода как источника условий сделки.

В уголовном деле № 10–4614/2026 (Московский городской суд, апелляционное определение от 18.03.2026) гражданин К. был осужден за мошенничество и легализацию денежных средств, полученных преступным путем¹⁰. Ключевая проблема здесь в том, что крипто-кошельки потерпевших не были надежно идентифицированы. Ущерб исчислялся специалистом на основе движения цифровых активов с использованием кошельков, не привязанных к личности. Суд, однако, принял эти доказательства, что создает прецедент, связанный с признанием судом допустимых доказательств, основанных на анализе блокчейн-транзакций без установления личности владельца кошелька. Одновременно в гражданском деле о смарт-контракте суд отказал в признании аналогичных данных. Представляется необходимым законодательно закрепить презумпцию допустимости данных из неизменяемого распределенного реестра при условии обеспечения верифицируемости времени записи и неизменности блока. Это соответствует подходам, развиваемым в рамках Концепции машиночитаемого права¹¹.

⁸ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2025 по делу № А45–4379/2025..

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.02.2026 по делу № А45–4379/2025.

¹⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2026 по делу № 10–4614/2026.

¹¹ Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

⁷ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № А55–7445/2022.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОГОВОРОВ С УЧАСТИЕМ ИИ ПО СТЕПЕНИ АВТОНОМНОСТИ

На основе обобщения доктринальных подходов и анализа судебной практики предлагается следующая классификация договоров с участием ИИ по степени автономности:

- *Первый тип — ИИ как пассивный инструмент (человек полностью контролирует алгоритм).* Алгоритм не принимает самостоятельных решений, а лишь выполняет заранее заданные команды. Ответственность — по общим правилам ст. 1064 ГК РФ. Воля стороны выражена через формирование алгоритма и его запуск. Примеры: программное обеспечение для документооборота, автоматическая рассылка счетов.

- *Второй тип — ИИ как ассистент (алгоритм выдает рекомендации, окончательное решение за человеком).* Система анализирует данные, предлагает варианты, но юридически значимое действие совершает человек. Ответственность распределяется следующим образом: оператор отвечает за неисполнение рекомендации, если она была разумной; разработчик — за алгоритмическую ошибку, если она не была очевидной; пользователь — за отклонение от разумной рекомендации, если это повлекло убытки. Примеры: системы поддержки врачебных решений, кредитные скоринговые системы с финальным решением кредитного инспектора.

- *Третий тип — ИИ как автономный исполнитель (алгоритм совершает юридически значимые действия без участия человека).* Для этого типа отсутствует необходимость наделения ИИ правосубъектностью. Ответственность за действия автономного ИИ возлагается на его владельца по правилам ст. 1079 ГК РФ об источнике повышенной опасности, поскольку высокоавтономная ИИ-система создает повышенную вероятность причинения вреда и неподконтрольна в каждый конкретный момент. Владелец вправе предъявить регрессное требование к разработчику при доказанности программной ошибки, не выявленной на этапе тестирования, а также к оператору оракула при доказанности недостоверности поставляемых данных. Для ИИ-систем третьего типа необходимо обязательное страхование рисков гражданской ответственности. Примеры: автономные торговые алгоритмы (HFT), беспилотные транспортные средства при заключении договоров перевозки, чат-боты, самостоятельно акцептующие оферту.

- *Четвертый тип — ИИ-агенты, взаимодействующие с оракулами.* Оракулы — программные агенты, поставляющие внешние данные для сравнения смарт-контракта. Как справедливо отмечают В.Н. Лисица и Е.В. Зайнутдинова, отсутствие должного правового регулирования смарт-контрактов и производных от них механизмов (включая оракулов) создает системные риски для участников оборота, поскольку при причинении убытков вследствие ошибок в автоматизированном исполнении потерпевшая сторона зачастую лишена возможности определить четкого субъекта ответственности [6]. Предлагается включить в закон об ИИ норму, согласно которой оператор оракула несет ответственность за достоверность данных наравне с разработчиком ИИ-системы.

Применительно к смарт-контрактам с использованием оракулов необходимо различать:

- ошибку в самом коде смарт-контракта (ответственность разработчика);
- недостоверность данных от оракула (ответственность оператора оракула);
- неправомерное вмешательство в работу оракула (ответственность третьего лица).

В последнем случае следует применять общие нормы о деликтной ответственности.

СУДЕБНАЯ АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Особого внимания заслуживает проблема судебной экспертизы алгоритмов. В условиях, когда бизнес-экосистемы используют высокотехнологичные платформы для персонализированного взаимодействия с контрагентами [11], проверка обоснованности и недискриминационности решений, принятых ИИ-алгоритмами, становится критически важной для справедливого разрешения споров. В делах, связанных с оспариванием решений, принятых ИИ, возникает необходимость в назначении экспертизы, которая могла бы подтвердить или опровергнуть наличие алгоритмической ошибки, дискриминации или необъективности. Однако действующее процессуальное законодательство не содержит специальных норм о порядке проведения такой экспертизы.

По аналогии с экспертизой программного обеспечения (ст. 79 АПК РФ) можно предложить введение в АПК РФ и ГПК РФ нормы о «судебной алгоритмической экспертизе», предметами исследования которой являлись бы:

- соответствие алгоритма заявленным параметрам;
- наличие в обучающей выборке признаков необъективности;
- обоснованность принятых решений.

Экспертиза должна проводиться аккредитованными организациями, а ее результаты должны иметь силу письменного доказательства. Это предложение коррелирует с положениями Концепции машиночитаемого права о необходимости верификации онтологий и алгоритмов¹².

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ

Важным аспектом являются экспериментальные правовые режимы (далее — ЭПР). Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» позволяет устанавливать специальное регулирование для апробации ИИ-технологий. В настоящее время в рамках ЭПР уже тестируются беспилотный транспорт, телемедицина, удаленная идентификация.

Как отмечает Д. В. Шахов, ЭПР подтвердили свою эффективность в снижении бюрократических барьеров и стимулировании инноваций, однако их применение сопряжено с правовой неопределенностью при завершении режимов и отсутствием гарантий для участников [12].

Однако договорные аспекты использования ИИ (автоматическое заключение договоров, ответственность ИИ-агентов) не стали предметом ЭПР. В контексте формирования в России экономики предложения, о чем пишут И. Н. Молчанов и Н. П. Молчанова [13], экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций приобретают особую значимость как инструмент, позволяющий оперативно апробировать новые правовые конструкции (включая автоматизированные сделки и ИИ-договоры) без риска для всей правовой системы. ЭПР выступают своеобразными «точками роста» в правовом пространстве, аналогично тому, как в экономическом пространстве такими точками являются опорные населенные пункты и инновационные кластеры [13].

¹² Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

Предлагается в рамках ЭПР расширить перечень разрешенных видов деятельности в рамках ЭПР, включив в него:

- заключение смарт-контрактов с юридической силой;
- использование ИИ-агентов для совершения сделок от имени предпринимателя без дополнительного одобрения;
- применение алгоритмического аудита вместо нотариального удостоверения для определенных видов договоров.

По аналогии со ст. 57 EU AI Act целесообразно создать специализированную «песочницу» для ИИ-договоров с упрощенным доступом для малых технологических компаний¹³.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Действующий Гражданский кодекс РФ не содержит норм, прямо регулирующих автоматизированные сделки. Статья 153 ГК РФ определяет сделку как действие граждан и юридических лиц. Это исключает возможность признания сделкой результата взаимодействия ИИ-систем без участия человека. Статья 420 ГК РФ определяет договор как соглашение двух или нескольких лиц. Эти формулировки требуют адаптации.

Предлагается дополнить ГК РФ статьей 153.1 «Автоматизированные сделки»: «Сделкой, совершенной с использованием систем искусственного интеллекта, признаются действия программы или алгоритма, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, если они совершены в пределах заранее заданных параметров и воля стороны на совершение таких действий была явно выражена путем активации системы. Автоматизированная сделка может быть совершена путем взаимодействия информационных систем без участия человека, если возможность такого взаимодействия предусмотрена договором или законом».

Также необходимо ввести статью 1079.1 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный при использовании высокоавтономного искусственного интеллекта»: «Владелец системы искусственного интеллекта, обладающей высокой степенью ав-

¹³ European Parliament and Council of the EU. Regulation (EU) 2024/1689 on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union. 2024.

тономности (способной принимать юридически значимые решения без участия человека), обязан возместить вред, причиненный такой системой, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец вправе предъявить регрессное требование к разработчику системы при доказанности программной ошибки, не выявленной на этапе тестирования, а также к оператору оракула при доказанности недостоверности поставляемых данных».

При определении размера такой ответственности судам следует учитывать не только технические параметры системы, но и баланс публичного и частного интереса, с тем чтобы выплата компенсации не приводила к неосновательному обогащению потерпевшего или несоразмерному обременению ответственного лица [14].

В проекте Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» предусмотрено распределение ответственности между разработчиком, оператором, владельцем и пользователем пропорционально степени вины¹⁴. Однако договорные аспекты в законопроекте не урегулированы. При его доработке необходимо включить отдельный раздел об ИИ-договорах. Также следует урегулировать правовой статус оракулов и закрепить, что крипто-кошелек, используемый ИИ-агентом, принадлежит оператору.

Для целей доказывания в спорах об ИИ-договорах предлагается ввести презумпцию того, что данные из неизменяемого распределенного реестра (блокчейна) являются допустимым доказательством в случае обеспечения верификации времени и неизменности записи¹⁵. Также необходимо установить обязанность использующей ИИ-систему стороны предоставлять доступ к логам решений системы при условии сохранения коммерческой тайны путем передачи нотариусу или суду. Кроме того, следует предусмотреть возможность назначения экспертизы алгоритма, включая исследование его решений на наличие дискриминации и необъективности, по аналогии с экспертизой программного обеспечения.

¹⁴ Министерство цифрового развития РФ. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». М.; 2026.

¹⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № А55-7445/2022.

Важным направлением является развитие технологий машиночитаемого права. Концепция, утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию в 2021 г., предусматривает постепенный перевод нормативных правовых актов на формальные языки — разметки и онтологии¹⁶. В сфере договорного права это позволит создавать «машиночитаемые договоры», положения которых могут автоматически выполняться информационными системами.

Проблема трансграничного использования ИИ-агентов также требует внимания. ИИ-агент, зарегистрированный в одной юрисдикции, может совершать сделки с контрагентами из других стран. Возникает вопрос: право какой страны подлежит применению к таким сделкам? По общему правилу ст. 1211 ГК РФ, к договору применяется право страны, где находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. Однако для автономных ИИ-агентов определение такой стороны затруднительно. Предлагается дополнить раздел VI ГК РФ (Международное частное право) нормой о том, что к автоматизированным сделкам, совершенным с использованием ИИ-агента, применяется право страны места нахождения оператора ИИ-агента, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

В целях стимулирования развития ИИ-договоров и устранения правовых барьеров необходимо расширить доступ к данным для обучения алгоритмов, создать консультационные центры для малых технологических компаний, назначить единый ответственный орган (возможно, Минцифры) за координацию нормотворческой деятельности в этой сфере.

ВЫВОДЫ

По результатам проведенного исследования сделаны следующие выводы:

- российское право не содержит легального определения ИИ-договора;
- судебная практика демонстрирует разнотой в подходах к признанию смарт-контрактов и блокчейн-транзакций в качестве надлежащей формы сделки;

¹⁶ Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

- суды фактически отказываются признавать юридическое значение программного кода, требуя письменной фиксации воли сторон, что противоречит природе автономных ИИ-систем.

Предлагается дополнить Гражданский кодекс РФ статьями 153.1 «Автоматизированные сделки» и статьей 1079.1 «Ответственность за вред, причиненный высокоавтономным ИИ»¹⁷. В целях доказывания необходимо ввести обязательный алгоритмический аудит для ИИ-систем высокого риска (кредитование, страхование, динамическое ценообразование) и презумпцию допустимости доказательств из неизменяемого распределенного реестра. Следует расширить диапазон применения экспериментальных правовых режимов и создать специализированную «песочницу» для ИИ-договоров по аналогии со ст. 57 EU AI Act.

¹⁷ Правительственная комиссия по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Концепция развития технологий машинного права (протокол от 15.09.2021 № 31). М.; 2021.

При доработке законопроекта «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» необходимо включить в него раздел о договорной ответственности, урегулировать правовой статус оракулов, закрепить принадлежность крипто-кошелька, используемого ИИ-агентом, за оператором и определить правила трансграничного применения ИИ-агентов в международном частном праве.

Как обоснованно указывает Л. Д. Капранова, цифровая трансформация объективно требует изменения подходов к правовому регулированию, а государство должно взять на себя активную роль в этом процессе, особенно в части защиты наиболее уязвимых участников цифровых рынков [15]. Предложенные выше меры направлены на реализацию этой государственной функции в сфере договорного регулирования ИИ.

Реализация этих предложений позволит создать сбалансированный механизм правового регулирования цифровой экономики при сохранении гарантий прав участников оборота.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):165-177. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-5-165-177
Revenko L. S., Revenko N. S. Artificial intelligence: Modern approaches to multilateral regulation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):165-177. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177
2. Ручкина Г. Ф. Правовое обеспечение развития финансовых технологий в Российской Федерации. *Банковское право*. 2025;(1):7-16. DOI: 10.18572/1812-3945-2025-1-7-16
Ruchkina G. F. Legal support for the development of financial technologies in the Russian Federation. *Bankovskoe pravo = Banking Law*. 2025;(1):7-16. (In Russ.). DOI: 10.18572/1812-3945-2025-1-7-16
3. Подузова Е. Б. Договоры об оказании услуг в сфере использования «искусственного интеллекта» и технологий «искусственного интеллекта»: проблемы теории и практики. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(8):59-67. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067
Poduzova E. B. Service contracts in the field of the use of “Artificial Intelligence” and “Artificial Intelligence” technologies: Problems of theory and practice. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(8):59-67. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.059-067

4. Танимов О.В. Юридические фикции как средство обеспечения прогресса в праве. *Актуальные проблемы российского права*. 2026;21(3):21-31. DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.021-031
Tanimov O.V. Legal fictions as a mechanism for advancing legal development. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2026;21(3):21-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.021-031
5. Синицын С.А., Дьяконова М.О., Чурсина Т.И. Смарт-контракты в цифровой экономике: договорное регулирование и разрешение споров. *Цифровое право*. 2021;2(4):40-50. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-40-50
Sinitsyn S.A., Diakonova M.O., Chursina T.I. Smart-contracts in the digital economy: Contractual regulation and dispute resolution. *Tsifrovoye parvo = Digital Law Journal*. 2021;2(4):40-50. (In Russ.). DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-4-40-50
6. Лисица В.Н., Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и их использование в смарт-контракте. *Юридическая наука и практика*. 2022;18(1):29-38. DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-1-29-38
Lisitsa V.N., Zainutdinova E.V. Digital rights and their use in a smart contract. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical Science and Practice*. 2022;18(1):29-38. (In Russ.). DOI: 10.25205/2542-0410-2022-18-1-29-38
7. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права. *Вестник гражданского права*. 2016;16(3):32-60.
Savelyev A.I. Contract law 2.0: "Smart contracts" and the beginning of the end of the classical contract law. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Bulletin*. 2016;16(3):32-60. (In Russ.).
8. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы. *Труды Института государства и права РАН*. 2018;13(2):36-55.
Yastrebov O.A. The legal capacity of electronic person: Theoretical and methodological approaches. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2018;13(2):36-55. (In Russ.).
9. Казанцев Д.А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025;3(3):446-471. DOI: 10.21202/jdtl.2025.18
Kazantsev D.A. Legal mechanisms for distributing the responsibility for the harm caused by artificial intelligence systems. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025;3(3):446-471. (In Russ.). DOI: 10.21202/jdtl.2025.18
10. Лаврова И.Г. Проблемы ответственности роботов и искусственного интеллекта. *Вопросы российского и международного права*. 2025;15(4A):267-271. DOI: 10.34670/AR.2025.55.83.005
Lavrova I.G. Issues of liability of robots and artificial intelligence. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2025;15(4A):267-271. (In Russ.). DOI: 10.34670/AR.2025.55.83.005
11. Васильева О.Н. Бизнес-экосистемы и человеческий потенциал: взаимосвязь и правовое регулирование. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(2):151-158. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-151-158
Vasilyeva O.N. Business ecosystems and human potential: Interrelation and legal regulation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(2):151-158. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-151-158
12. Шахов Д.В. Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):178-186. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-5-178-186
Shakhov D.V. Introduction of experimental legal regimes in the context of digital transformation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):178-186. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-5-178-186
13. Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Трансформация экономического пространства: новые векторы комплексного развития территорий. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(4):6-15. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-4-6-15
Molchanov I.N., Molchanova N.P. Transformation of the economic space: New vectors of integrated development of territories. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(4):6-15. (In Russ.). DOI: 110.26794/1999-849X-2025-18-4-6-15

14. Андреева М. С. Использование искусственного интеллекта при разработке методики определения размера компенсации морального вреда. *Экономика. Налоги. Право*. 2026;19(2):181-190. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-2-181-190
Andreyanova M. S. Developing an AI-based method to assess compensation for moral harm. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(2):181-190. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-2-181-190
15. Каприанова Л. Д. Цифровая трансформация общества и уровень жизни населения. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):81-91. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-81-91
Kapranova L. D. Digital transformation of society and the standard of living of the population. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):81-91. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-81-91

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Максим Владимирович Демченко — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового регулирования экономической деятельности юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Maxim V. Demchenko — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-7010-8445>

mvdemchenko@fa.ru

Юлия Ивановна Фроловская — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Yulia I. Frolovskaya — Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0008-9818-1554>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

yifrolovskaya@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.02.2026; принята к публикации 28.07.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was revised 24.02.2026; accepted for publication 28.07.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.